

УДК 316.334

НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ В АРХАИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Е.М. ПОЛЯКОВ*Воронежский
государственный
университет**e-mail:
evgenij.polyakov.1984@mail.ru*

В данной статье речь идет о важнейшем социальном феномене – насилии, его роли в социуме и процессе институционализации в обществах разных типов. Анализируются разные виды насилия и их взаимосвязь с типом общественного устройства. Опираясь на антропологические данные, автор показывает, что назначение насилия в обществе определяется рядом факторов, основным из которых является контроль над доступом к важным ресурсам. Особое внимание уделяется молодежному фактору эскалации насилия в обществах, находящихся в состоянии “youth bulge”. Предпринята попытка проанализировать способы контроля над насилием и выявить его возможные источники. Отдельно рассмотрена проблема возникновения терроризма и основные причины эффективности насилия в современном мире.

Ключевые слова: социальный институт, насилие, терроризм, общество.

В данной статье речь пойдет об институте насилия и его конструирующей роли в обществе, столь незаслуженно игнорируемой многими исследователями. Прежде, чем перейти к анализу феномена насилия, способов его манифестации и функционального назначения в обществах разных типов, определимся с основными категориями.

Одним из самых часто используемых и трудно операционализируемых понятий в социологии выступает социальный институт. Существует множество определений этой категории, зависящих от того, какого научного подхода придерживается автор. Например, Н.Смелзер считает, что «институтом является совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности»¹. Как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности (здесь и далее все выделения сделаны мною, кроме оговоренных случаев – авт.) и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» определяет его Л.Седов². В рамках информационного подхода институт рассматривают как «специфическое знание, которое выработано многими поколениями людей, усвоено ныне живущим поколением и содержит рекомендуемые нормы поведения»³. Рассмотрение институтов в функциональном ключе предполагает, что всякий социальный институт складывается как устойчивая структура, выполняющая определенные функции – социальные действия. По этому подходу социальный институт есть «объединение людей, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей»⁴.

Рассмотренные определения демонстрируют, что в социологии в явной или скрытой форме институт понимается как нечто, связанное с действием, деятельностью, поведением, ролью, т.е. с теми аспектами социальной реальности, которые предполагают, с одной стороны, наличие цели и контроля, а с другой – длительность и воспроизводство во времени. Функциональное назначение институтов заключается в «использовании ресурсов общества в формах интеракции ради удовлетворения той или иной социальной потребности и стабилизации деятельности людей, путем сведения ее к более или менее

¹ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – С.79.

² Седов Л.А. Институт социальный // Современная западная социология. М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С.117.

³ Корнейчук Б.В. Институциональная экономика: учеб. пос. для вузов. М.: Гардарики, 2007. – С.11.

⁴ Давыдов А.А. Системная социология. М.: КомКнига, 2006. – С.68.

предсказуемым образцам социальных ролей»⁵. Это характерно для всех традиционных институтов: семьи, образования, церкви и т.д. Но в социальном устройстве общества есть еще один важный институт, который как раз обеспечивает разные формы интеракции и стабилизацию деятельности. Имя ему – насилие. Это особенный институт, незаслуженно игнорируемый большинством социологов.

Незаслуженно потому, что разные институты на протяжении истории человечества возникали и отмирали (например, разные формы брака) или меняли свое содержание (например, собственность). И только насилие как институт, возникнув еще в архаических обществах, сохранилось в практически неизменном виде до наших дней. Игнорируемый потому, что в собственно социологических исследованиях насилие либо не рассматривается вообще, так как трактуется как патология, либо рассматривается как частный случай девиантного поведения (преступления, связанные с физическим насилием), либо рассматривается через призму конфликтологической парадигмы.

Хотя мы привыкли связывать насилие с преступлениями, терактами и войнами, в структуре насилия мы можем выделить три уровня – это «символическое» насилие, воплощенное в языке и привычных речевых формах; «субъективное» насилие, воспринимаемое нами на основе личного опыта и особенностей мышления (попутно отметим, что вообще все институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей); и «системное насилие», возникающее вследствие определенной организации самого социума. Разумеется, наиболее опасным уровнем проявления насилия в наши дни является системным. Речь здесь идет не только о прямом физическом насилии, но и более тонких формах принуждения, которые поддерживают отношения господства и эксплуатации, включая угрозу насилия⁶.

Интересный взгляд на институционализацию насилия предлагает нобелевский лауреат Дуглас Норт. По его мнению, «институты – это «правила игры», структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов»⁷. Институты включают в себя формальные правила, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, писанные законы, а также *убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Институты также структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей. Одни и те же институты приводят к разным результатам, в зависимости от контекста. Насилие как социальный институт проявляется в разных измерениях и может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий.

Основной проблемой является организованное насилие, использование насилия или угроза насилия группами. Насилие также влияет на человека, которому угрожает физическое нападение, как и на человека, который действительно ему подвергся.

Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддерживать формирование только небольших групп людей, возможно, состоящих из 25–50 индивидов. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием. Во всяком случае, есть исследования, свидетельствующие в пользу этого предположения⁸. Конечно, подобные социальные организмы корректнее называть малыми группами, а не обществами, но в древности большинство коллективов людей состояло именно из нескольких десятков человек⁹.

Для архаического общества большой размер был труднодостижим: личные контакты не могли быть скрепляющим обществом элементом и для преодоления ограничения необходим был особый институт. Судя по всему, им и стало насилие. Уже в 1980-е гг. был опубликован ряд научных работ, показавший, что до сих пор у многих племен спе-

⁵ Смелзер Н., указ. соч., С.81.

⁶ Жижек С. О насилии. – М.: Издательство «Европа», 2010. – С.5-12.

⁷ North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. New York: Cambridge University Press, 1990. – pp.3-4.

⁸ Kelly R.L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1995. – pp.205-232.

⁹ Ibid. – P.232.

циальным образом регулируемое насилие позволяет расширять численность сообщества за счет приема в него новых членов извне и усиливать внутригрупповые связи. Богатые этнографические и антропологические данные позволяют предположить, что частота применения насилия (по крайней мере, в качестве наказания) в примитивных обществах и небольших группах довольно высока. Было отмечено, что прямое насилие часто является неприемлемым и вместо него используется изоляция, как физическая, так и социальная¹⁰.

Кит Оттребейн в ходе своего кросс-культурного исследования показал, что физическое насилие в качестве высшей меры наказания применяется, если индивид обвиняется в тяжком преступлении: убийство, воровство, колдовство, изнасилование¹¹. Важным является то обстоятельство, что примитивные племена и вождества, прежде чем превратятся в государства, должны обзавестись идеологией. Она способствует социальной эволюции и развитию сложных социальных систем, которое невозможно без *контроля над доступом* к властным ресурсам¹².

Этот контроль достигается следующим образом. Во-первых, в простых обществах характер насилия часто отличается от насилия в обществах, организованных по племенному принципу. Во-вторых, в эгалитарных сообществах насилие может быть ограничено, но только в отношении *своих членов*, что означает частое применение его к иноплеменникам (например, в случае нарушения ими религиозных запретов и табу). В-третьих, насилие представлено, в основном, убийствами (в том числе, ритуальными). Случаи избиений, отъема собственности или грабежей практически нет, равно как низка доля самоубийств¹³.

Конечно, в столь простых обществах властные ресурсы связаны не с персональными характеристиками индивида, а с его принадлежностью к той или иной группе. Соответственно, определяющую роль играют половозрастные характеристики, место жительства, род занятий и кровные связи. Постепенно, в истории человечества, эти черты замещались профессионализмом, лидерскими качествами, компетентностью и т.д.

Показательно, что эти данные укладываются в теорию Д.Норта и соавторов. Для рассуждений последних характерно использование концепта *доступа*, базируясь на котором они выделяют два типа обществ (или в авторской терминологии – *социальных порядков*): ограниченного и свободного доступа. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, *способ*, которым общество ограничивает или открывает доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие¹⁴.

Для того чтобы формальное правило — институт — сдерживало насилие, особенно насилие среди индивидов, не знающих друг друга лично (то есть в крупных сообществах), должна существовать определенная организация, в рамках которой ряд официальных лиц обеспечивает соблюдение правил безличным образом. Иными словами, формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил. Если в обществе развиваются большие группы, то возникновение некоторой формы социальных институтов для контроля над наси-

¹⁰ Betzig L, Dentan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies // *Current Anthropology*, 1988, Vol. 29, No. 4, pp. 624-636.

¹¹ См: Otterbein K.F. The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment. New Haven, HRAF Press. – 1986.

¹² Albert B. Yanomami “Violence”: Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // *Current Anthropology*, 1989, Vol. 30, No. 5, pp. 637-640.

¹³ Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea // *Current Anthropology*, 1987, Vol. 28, No. 4, pp. 461-476.

¹⁴ Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст]: докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгайт; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С. 8-17.

лием неизбежно. Поскольку индивиды всегда имеют возможность конкурировать друг с другом за ресурсы или статус при помощи насилия, необходимым следствием ограничения использования насилия внутри социальной группы является установление ограничений конкуренции. Организацией, устанавливающей такое ограничение и контроль над манифестацией насилия, выступает государство.

Модель свободного доступа характеризуется политическим и экономическим развитием; экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций; более крупными и более децентрализованными правительствами; *распространением безличных социальных взаимоотношений*, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. Модель ограниченного доступа характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; относительно небольшим числом организаций; менее крупными и более централизованными правительствами; господством личных связей и незащищенными правами собственности¹⁵.

В порядке ограниченного доступа или естественном государстве, личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, – то, кто кем является, и кто кого знает, – составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как *набор безличных характеристик*. В порядках второго типа доступ к организациям начинает определяться как безличное право, которым обладают все граждане. Естественные государства, напротив, ограничивают доступ к организациям и принуждение к исполнению соглашений со стороны третьих лиц. Большинство организаций, даже самых простых, опираются на принуждение к исполнению соглашений между членами организации или соглашений между организациями и другими акторами третьей стороной. Государство чаще всего обеспечивает такое принуждение, выступая в качестве третьей стороны. Открытый доступ к организациям – это важное и недооцененное различие между естественным государством и порядками открытого доступа.

Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут так же соблюдать правила¹⁶.

К сожалению, рассмотренные выше работы экономистов, антропологов и социальных философов представляют собой скорее анализ того, *что такое* насилие, но не *откуда* оно берется. Между тем феномен социального насилия по-разному проявляется не только в разные исторические эпохи, но и в обществах, стоящих на разных ступенях развития и *сосуществующих* в одно время. Следовательно, социальная структура общества (в первую очередь, иные институты, «обрамляющие» насилие) может быть лишь достаточным фактором для манифестации насилия. Что же, в таком случае, является необходимым?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос может дать т.н. теория “youth bulge” или «молодежного пузыря». Согласно ей, в сообществах, в структуре которых доля молодежи до 24 лет составляет не менее 20%, будут наблюдаться общая политическая нестабильность, склонность политических режимов к авторитаризму и государственные перевороты, сопровождаемые всплеском нелегитимного насилия по отношению к наиболее социально незащищенным слоям населения¹⁷.

¹⁵ North D.C., Wallis J.J, Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. – pp. 11-15.

¹⁶ Levi M. Consent, dissent, and patriotism. New York: Cambridge University Press, 1997, p.213.

¹⁷ Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. In: The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's, Washington: CIA Hg., 1995, pp.151-154.

«Пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (как, например, в Китае) сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Масштаб социальной системы также не имеет значения – “youth bulge” может происходить как на уровне общества в целом, так и, например, в диаспорах или общинах. При этом правда, необходимо учитывать тот факт, что в небольших сообществах люди будут чаще контактировать друг с другом непосредственно, что может иметь вполне определенный психологический эффект. Даниэль Харт и соавторы провели исследование в 28 странах мира, которое показало, что подростки и несовершеннолетние в таких сообществах будут больше контактировать со своими сверстниками и находиться под преимущественным социализирующим воздействием с их стороны, нежели со стороны взрослых¹⁸.

Для более «мирного» участия молодежи в общественно-политической жизни стран-«пузырей» на африканском материале были выработаны несколько рекомендаций: установить контакт между молодежью и политическими лидерами общин, проводить совместные мероприятия с политическими и этническими конкурентами (в том числе, на племенном уровне), расширить участие женщин, запустить программы, обеспечивающие молодежное участие и т.п. Характерно, что некоторые страны Африки сохранили пережитки родоплеменной стадии развития общества, и эти выводы подкреплены богатым антропологическим материалом¹⁹.

Молодежные исследования, проведенные в последние годы, выявили определенную корреляцию между уровнем экономического развития и проявлением социальной напряженности в неприемлемых формах (в виде нелегитимного насилия). Эти данные перекликаются с теоретическими построениями Д.Норта о природе и назначении ренты в порядках ограниченного доступа. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве — не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами.

Естественное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу²⁰.

Но в случае, если насилие нельзя сдерживать, договоренности внутри господствующей коалиции (властвующей элиты) о прекращении борьбы будут нарушены, что, в свою очередь, приведет к учащению применения насилия в обществе. Поэтому требования молодежи о доступе к организациям, которые в порядках ограниченного доступа нельзя выполнить, ведут к его насильственной смене. Увеличение численности молодежи здесь является спусковым крючком в механизме социальных преобразований. Шон Фокс и Кристиан Хельшер в своем недавнем исследовании 120 стран обнаружили, что в «гибридных» режимах (то есть сочетающих авторитарные и демократические черты) риск открытого проявления насилия наиболее велик. При наличии других факторов (бедность, этническая пестрота, социальное неравенство), насилие становится почти неизбежным²¹.

В такой ситуации его манифестация – дело рук многочисленной молодежи. При этом насилие проявляется в самых деструктивных формах – уличных беспорядках, поли-

¹⁸ Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation // Psychological Science, 2004, Vol. 15, No.9., pp.591-597.

¹⁹ Shari B. The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process. National Democratic Institute, 2010, October, pp.1-6.

²⁰ North D.C., Wallis J.J., Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. – pp.17-18.

²¹ Fox S., Hoelscher K. Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study. London: Crisis States Research Centre, London School of Economics & Political Science, 2011. – P.13.

тически мотивированном терроре и гражданских войнах. Характерно, что наличие большого числа детей и подростков не останавливает, а стимулирует национально-освободительные движения по всему миру к ведению более активных боевых действий. В ряде случаев это приводит к формированию так называемых детских армий, как это было, например, у Тамильских тигров. К концу 1990-х гг. в более чем 50 государствах мира в детских армиях служило порядка 300.000 солдат²².

Однако основная угроза заключается в опасности гражданской войны и городской герильи. На данный момент, 60 из 67 крупнейших по численности наций, столкнувшихся с *youth bulge*, пережили гражданские конфликты разной степени интенсивности: от массовых беспорядков до геноцида. Причем, вопреки распространенному мифу об исламской угрозе, взаимосвязи с религиозным фактором не прослеживается: лишь около половины этих стран имели мусульманское большинство или значительное меньшинство, остальные – христианские и даже буддистские страны²³.

Важно учесть то, что избыток молодежи и осуществляемого ею насилия является важным конституирующим обществом фактором. Как показали работы Тимоти Эрла, демографическое давление в целом ряде обществ (античной Греции, средневековой Италии и во Французской Полинезии) было причиной социальных изменений и перехода от вождества к государству²⁴.

Он выделил три типа стратегий, которые могли приводить к подобному переходу. Первый тип связан с властью лидера, базирующейся на контроле над средствами производства и/или распределения. Второй связан с ведением завоеваний и заключением альянсов. Третий базируется на идеологии, легитимирующей власть лидера как необходимого условия для сохранения «естественного» порядка вещей в мире²⁵. Эрл считает, что «развитие сложных политических систем основано не просто на доступе к источнику власти, но на возможности *контролировать* (выделено в оригинале) его»²⁶.

Говоря о причинах насилия, Генрик Урдал (сотрудник Института изучения мира, Осло, Норвегия) подчеркивает, что при возникновении больших когорт молодежи происходит «растягивание» социальных институтов (например, рынка труда), что влечет за собой усиление социальной неудовлетворенности. Вот эта неудовлетворенность, в сочетании с социальной свободой (то есть отсутствием семей и ответственности за кого-либо), и вызывает к жизни насилие в молодежной среде²⁷. В другой своей работе он описывает (в виде гипотез) условия, при которых возникает политически мотивированное насилие. Они включают в себя наличие «*youth bulge*», политическую зависимость, низкие темпы экономического роста, быстрое распространение высшего образования, авторитарный характер режима и уровень урбанизации. Чем выше каждый из этих показателей, тем больше будет насилия²⁸. Отметим также, что каждое последующее условие усиливает предыдущее и на нем базируется, а ключевым здесь является наличие большого числа неустроенной молодежи.

Нетрудно заметить, что эти условия были характерны для стран, переживших «Арабскую весну». Эти же страны (как и Россия) придерживались политики догоняющей модернизации. Означает ли это, что догоняющая модернизация с неизбежностью влечет за собой выход насилия за институциональные рамки и порождает системный кризис?

Очевидно, что это не так. Махатхир Мохаммад, бывший премьер-министр Малайзии, в своих воспоминаниях пишет, что был вынужден применять авторитарную власть

²² Heinson G. *Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*, Zuerich, Orell Fuessli Verlag AG, 2006. – S.33.

²³ Ibid., S.36.

²⁴ Earle T. *Chiefdoms in archaeological and ethno-historical perspective* // *Annual Reviews in Anthropology*, 1987, Vol.16, pp. 279-308.

²⁵ Earle T. *The Evolution of Chiefdoms* // *Current Anthropology*, 1989, Vol. 30, No. 1, pp. 84-85.

²⁶ Ibid., P.86.

²⁷ Urdal H. *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950-2000* // *Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction*, Washington: World Bank, 2004. – No.14. – P.5.

²⁸ Urdal H. *A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence* // *International Studies Quarterly*. – 2006. – No.50. – pp. 611-615.

для проведения модернизации полуфеодальной (на тот момент) постколониальной страны²⁹. Интересен тот факт, что случаи проявления насилия в обществе сократились, а безопасность на улицах Куала-Лумпура и других крупных городов быстро достигла европейского уровня. Более того, в уже упомянутой работе К.Оттербеина говорится, что в племенах Семай в Малайзии и Джебузи в Новой Гвинее количество убийств снизилось до 5 на 100.000 человек³⁰.

Данные показатели характерны для современных индустриальных государств, сумевших не только обуздать уличную преступность, но и дать своим гражданам возможность общественного участия – то, что Д.Норт и называет порядком свободного доступа. Стоит обратить внимание на следующее: порядок – не есть отсутствие насилия или какой-либо из его форм (скажем, физического, в виде грабежей и убийств), но наоборот, *наличие насилия* в виде институализирующего фактора. То есть ожидание «эры милосердия» институционально неоправданно.

Еще одно важное обстоятельство, с которым сталкиваются все страны, осуществляющие переход от закрытого к открытому обществу, – миграция. В первую очередь, это миграция трудовых ресурсов внутри страны из небольших населенных пунктов в города – центры индустриализации и модернизации. Города обезличивают контакты людей в силу массовости и деперсонализации самих контактов, то есть создают необходимое условие для перехода к порядку свободного доступа. Но что еще важнее, они являются механизмом, адсорбирующим избыток сельского населения, особенно при высоком естественном приросте. Исследования Хэлен Вэр на материале ряда государств Океании показали, что в странах с низкой урбанизацией (Соломоновы острова, Папуа – Новая Гвинея) и сильной эмиграцией нестабильность и насилие наблюдаются чаще, чем в странах с долей городского населения более 40% и сильной внутренней миграцией из сел в города³¹.

Павда, нельзя забывать, что хотя город предоставляет больше *возможностей* и обеспечивает более высокий уровень жизни, этот уровень не растет постепенно, а резко и однократно меняется при переезде. В сочетании с отсутствием *самореализации* (то есть перехода возможностей в реальность в виде качественного образования, карьеры и т.д.), города могут превращаться в своеобразные накопители социальной агрессии и выплескивать ее в самый непредсказуемый момент в виде неконтролируемого насилия.

Интересно отметить, что в переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле, похоже на насилие в примитивных племенах. Как показали выше рассмотренные работы антропологов, в архаичных обществах насилие часто носит *ритуальный* или *символический* характер. Истинным объектом насильственных действий является не тот, на кого они направлены. Чаще всего, им выступает общество. Например, в случае необходимости изолировать одного из членов племени от сородичей, его убивают или изгоняют. Здесь объектом (т.е. тем на кого направлено действие и от кого ожидают определенной эффективной реакции) является скорее общество, нежели тот самый изолируемый индивид.

Схожая ситуация наблюдается при осуществлении терактов. Современные террористические организации сближает ряд аспектов: структура организации, характер мобилизации и взаимодействия с населением, характер осуществляемого насилия, реакция общества и государства, а также идеология. Незначительные отличия, наблюдаемые в лозунгах, целях и руководстве, объясняются, скорее всего, местными условиями борьбы экстремистов против государства. Наблюдается разительное сходство в способах инициации новых адептов³².

Главной причиной «успешности насилия» террористов может быть социальный коллапс, точнее, его последствия, – неслучайно же всплеск террористической активности

²⁹ Mahathir bin Mohamad. The Way Forward. London: Wiedenfeld & Nicolson, 1998. – P. 42.

³⁰ Otterbein K.F. The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment. New Haven, HRAF Press, 1986. – pp.37-39.

³¹ Ware H. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy // 12th Biennial Conference of the Australian Population Association, Canberra, 2004, pp. 3-7.

³² См. подробнее: Поляков Е.М. От национализма к терроризму: путь радикальных движений в разных регионах мира // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – Вып. 22. – С.266-271.

мы наблюдаем в так называемых “failed states”, несостоявшихся государствах, которые находятся в стадии распада и дезинтеграции. Карл Батцер в своей работе показывает, что коллапс сложных обществ осуществляется под воздействием ряда факторов, лимитирующими из которых являются экономический спад, недостаток важных ресурсов, временные рамки, а также политическая и культурная гибкость³³.

В таких условиях нелегитимное насилие работает по принципу положительной обратной связи – чем его больше, тем активнее сопротивление, что ведет к эскалации напряженности и окончательной дезинтеграции общества. При этом реализуется игра с нулевой суммой: большинство заинтересовано в сохранении общественных связей и дееспособности хотя бы базовых социальных институтов. Но активное меньшинство, сделавшее насилие своим *modus operandi*, заинтересовано во власти (сохранении или приобретении ее), а значит – в ломке всех механизмов, могущих ей противостоять.

Список литературы

1. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.
2. Седов Л.А. Институт социальный // Современная западная социология. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
3. Корнейчук Б.В. Институциональная экономика: учеб. пос. для вузов. М.: Гардарики, 2007.
4. Давыдов А.А. Системная социология. М.: КомКнига, 2006.
5. Жижек С. О насилии. – М.: Издательство «Европа», 2010.
6. North D.C. Institutions, institutional change, and economic performance. New York: Cambridge University Press, 1990.
7. Kelly R.L. The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1995.
8. Betzig L, Dentan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies // Current Anthropology, 1988, Vol. 29, No.4.
9. Otterbein K.F. The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment. New Haven, HRAF Press. – 1986.
10. Albert B. Yanomami "Violence": Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? // Current Anthropology, 1989, Vol.30, No.5.
11. Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea // Current Anthropology, 1987, Vol. 28, No. 4.
12. Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст]: докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст; пер. с англ. М. Дондуковской и Е. Леонтьевой; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
13. North D.C., Wallis J.J., Waingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
14. Levi M. Consent, dissent, and patriotism. New York: Cambridge University Press, 1997.
15. Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. In: The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's, Washington: CIA Hg., 1995.
16. Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation // Psychological Science, 2004, Vol. 15, No.9.
17. Shari B. The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process. National Democratic Institute, 2010.
18. Fox S., Hoelscher K. Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study. London: Crisis States Research Centre, London School of Economics & Political Science, 2011.
19. Heinson G. Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Zuerich, Orell Fuessli Verlag AG, 2006.
20. Earle T. Chiefdoms in archaeological and ethno-historical perspective // Annual Reviews in Anthropology, 1987, Vol.16.

³³ Butzer K.W. Collapse, environment, and society // Proc. Nat. Acad. Science, 2012, Vol.109, No.10, pp. 3632–3639.

21. Earle T. The Evolution of Chiefdoms // *Current Anthropology*, 1989, Vol. 30, No. 1.
22. Urdal H. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950-2000 // *Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction*, Washington: World Bank, 2004, No.14.
23. Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // *International Studies Quarterly*, 2006, No.50.
24. Mahathir bin Mohamad. *The Way Forward*. London: Wiedenfeld & Nicolson, 1998.
25. Ware H. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy // 12th Biennial Conference of the Australian Population Association, Canberra, 15-17 September 2004.
26. Поляков Е.М. От национализма к терроризму: путь радикальных движений в разных регионах мира // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. – 2012. – Вып. 22.
27. Butzer K.W. Collapse, environment, and society // *PNAS*, 2012, Vol.109, No.10.

VIOLENCE AS A SOCIAL INSTITUTION: RISE AND EFFICIENCY IN ARCHAIC AND MODERN SOCIETIES

This article is about the most important social phenomenon – violence, its role in society and the process of institutionalization in societies of different types. The different types of violence and their relationship to the type of social structure are analyzed. Based on anthropological evidence, the author shows that the appointment of violence in society is determined by several factors, chief among which is the control over access to important resources. Particular attention is given to the youth factor in the escalation of violence in societies that are under "youth bulge". An attempt was made to analyze ways to control violence and to identify its possible sources. Separately consider the problem of terrorism and the main causes of efficiency of the violence in the modern world.

Key words: social institution, violence, terrorism, society.

E.M. POLYAKOV

Voronezh State University

*e-mail:
evgenij.polyakov.1984.@mail.ru*